

A man and a woman are shown from the chest up, standing in a river. They are both wet, with water dripping from their hair and clothes. The woman is on the left, her hair is long and dark, and she is wearing a light-colored, possibly wet, dress. The man is on the right, with a beard and long hair, wearing a dark, wet jacket. They are facing each other, almost touching, in a romantic embrace. The background is a blurred riverbank with trees.

*Чёртова
яма*

Пётр Фарфудинов

Пётр Фарфудинов

Чёртова яма

«Автор»

2026

Фарфудинов П.

Чёртова яма / П. Фарфудинов — «Автор», 2026

После страшного случая в бурных водах Чумыша, Сергей и Аня вырывают друг друга из цепких объятий реки, заплатив за свободу страхом и болью. Но стихия, отпустив тела, не отпустила души. В их новую, хрупкую жизнь всплывает Лика — женщина с бархатным голосом и ледяным сердцем. Её оружие — не водоворот, а тонкие уколы в самое уязвимое: в сомнения, усталость и незажившие раны прошлого. Их любовь, выстоявшая перед бездной, теперь должна пройти испытание ядом. Смогут ли они распознать нового врага, когда он пришёл под маской друга? И что окажется сильнее — холодный расчёт разрушителя или выстраданная, плотная, как сама жизнь, связь двух спасённых душ?

© Фарфудинов П., 2026

© Автор, 2026

Пётр Фарфудинов

Чёртова яма

Чёртова яма

Чумыш весной – не река, а зверь. Вздувшийся, коричневый, хрипящий пеной у крутых, подмытых берегов. Он несёт не просто воду – он несёт холод с далёких снегов, вывороченные с корнями деревья и тихую, древнюю злобу. Местные это знают и крестятся, глядя на бешеный поток. Но молодость бесстрашна и глупа.

Серёжа и Аня приехали на пляж у старой сосны, где берег был пологим. Но даже здесь Чумыш показывал характер: течение хватало за ноги, а в ста метрах ниже по течению, у глиняного обрыва, вода кружилась в огромной, бездонной на вид воронке. Место звали «Чёртова яма». Говорили, там дна нет.

Серёжа, загорелый и смеющийся, уплыл дальше всех, крича что-то Ане. Она махала ему с берега, и вдруг сердце её сжалось в ледяной комок. Его смех оборвался. Он взмахнул руками, не как пловец, а как тот, кто падает. И его начало крутить. Быстро, бешено, словно огромная невидимая рука схватила его за лодыжку и завертела волчком. Он не кричал. Только глаза, круглые от ужаса, на секунду встретились с её глазами. Потом его рвануло к обрыву, к той самой воронке. Вода сомкнулась над его головой, даже пузырей не оставив.

«Серёжа!» – её собственный крик разорвал тишину, она не узнала своего голоса. Это был вопль раненого зверя. На крик среагировали мгновенно: несколько парней, купавшихся неподалёку, бросились в воду. Долгие, вечные минуты ныряли они у глиняного обрыва. Аня стояла на коленях в мокром песке, и мир для неё сузился до этого чёрного водоворота.

Его вытащили. Бледного, бездвижного, с синюшной кожей. Он хрипел, изо рта текла мутная речная вода. Парни, сами трясясь от холода и адреналина, положили его на песок, пытались привести в чувство. Кто-то побежал за машиной. Но Аня оттеснила всех. Она припала к нему, шептала его имя, растирала ледяные руки.

Люди, выполнив свой долг, понемногу разошлись. Наступила странная тишина, нарушаемая только шумом реки. Шумом, который теперь казался Ане зловецким смехом.

Серёжа очнулся. Открыл глаза. Но это были не его глаза. В них не было паники, облегчения, даже вопроса. Они были гладкими, как поверхность Чумыша в безветренный день, и пустыми. Он просто смотрел в серое небо.

– Серёж... – позвала Аня, и её голос дрогнул.

Он медленно повернул голову. Взгляд скользнул по её лицу, не задерживаясь. Потом его вырвало. Не просто водой. Длинной, тягучей, коричневой жижей, пахнувшей илом и холодной глиной. И ещё раз. И ещё. Аня в ужасе отползла. Ему было «плохо» – это было слабо сказано. Казалось, его тело извергало саму реку, которая пыталась захватить его изнутри.

Он перестал блевать только к вечеру. Совсем стемнело. Мысли о том, чтобы идти через лес к дороге, вызывали у Ани ледяной ужас. Он не мог идти. Он вообще ничего не мог. Он просто лежал и смотрел в темноту.

– Разожгу костёр, – сказала она, больше для себя. Собрала сухих веток, дрожащими руками высекла искру. Огонь ожил, затанцевал, отбрасывая прыгающие тени на лицо Серёжи. Она под села к нему, обняла за плечи. Он был холодным, как рыба.

– Всё хорошо, – бормотала она, плача. – Всё позади. Мы дома скоро будем.

И тут он заговорил. Голос был его, но интонация... чужая. Медленная, булькающая, будто звук шёл из-под воды.

– Там... глубоко. Тишина. Не шум, а тишина. И светят огоньки. Зовут.

– Что? Какие огоньки? – прошептала Аня, волосы на затылке зашевелились.

– Те, кого Чумыш взял. Они там живут. В тишине. Мне показали... дорогу. – Он повернул к ней это пустое лицо. В отблесках костра его глаза казались теперь не плоскими, а бездонными, как та самая яма. – Они сказали, я могу вернуться. Но я должен кое-что отдать. Или... кого-то привести.

Аня отпрянула. Сердце колотилось где-то в горле.

– Ты в шоке, ты не понимаешь, что говоришь...

– Я понимаю, – перебил он всё тем же водяным голосом. – Они дали мне время. До рассвета. Потом они придут за своим.

Он встал. Движения были неестественно плавными, будто его кости стали гибкими, как ивовые прутья. Он подошёл к самому краю воды, туда, где свет костра уже терялся, и стоял, глядя на чёрную, шумящую пустоту.

Аня не знала, что делать. Кричать? Бежать? Бросить его? Мысль об этом вызвала приступ стыда, но ещё сильнее был страх. Животный, первобытный страх перед тем, что стояло у воды и смотрело на неё чужими глазами её любимого.

Он вернулся к костру, сел. Казалось, заснул. Аня не спала ни секунды. Она смотрела на него и слушала реку. Теперь ей чудились в её шуме не просто звуки течения, а шёпот. Множество голосов.

Перед самым рассветом, когда небо на востоке стало чуть светлеть, Серёжа снова открыл глаза.

– Пора, – сказал он просто.

Он встал и пошёл к реке. Не к пологому берегу, а туда, где начинался обрыв, к Чёртовой яме.

– Серёжа! Нет! – закричала Аня, кинулась за ним, схватила за руку. Рука была ледяной и скользкой, будто покрытой тиной.

Он обернулся. И в этот миг, в сером предрассветном свете, она увидела это. Тень. Не его тень от костра, а другую – длинную, жидкую, тянущуюся за ним по песку. И в очертаниях этой тени угадывались не человеческие формы, а что-то струящееся, с множеством щупалец, как у спрута.

Он мягко, но неодолимо высвободил свою руку.

– Не бойся, – сказал его булькающий голос. – Я просто... верну то, что взял взаймы. Или оставлю вместо этого тебя. Они согласны на обмен.

Он шагнул вперёд, к самому краю обрыва. Аня застыла, парализованная ужасом.

И тогда из воды, прямо из центра воронки, медленно поднялась тонкая, бледная, как лунный свет, рука. Не человеческая рука. Длинная, извилистая, будто сплетённая из воды и тумана. Она тянулась к Серёже, манящим жестом.

Он наклонился вперёд.

Аня не помнила, как закричала. Какой-то древний инстинкт вытолкнул из её горла не слово, а пронзительный, дикий звук, полный такой отчаянной любви и такого животного ужаса, что даже шум Чумыша на миг стих.

Серёжа замер. Его спина напряглась. Тень за его спиной содрогнулась и поползла назад, к воде, словно обожжённая её криком. А та бледная рука из воронки на мгновение застыла, а потом медленно, нехотя, стала опускаться, растворяясь в потоке.

Серёжа пошатнулся и рухнул на колени, глухо кашляя. Из его рта хлынула чистая вода, и в этот раз пахла она просто водой.

Когда он поднял голову, в его глазах был ужас. Настоящий, человеческий, её Серёжин ужас.

– Ань... – прохрипел он, и это был его голос. – Что это было?.. Мне снилось... они звали...

Она подбежала, обняла его, плача уже не от страха, а от облегчения. Тело его было холодным, но уже не ледяным, и тени за его спиной не было. Только обычная, короткая тень от восходящего солнца.

Они ушли с того берега, едва ноги несли. Оглянулись только раз. Чумыш шумел по-прежнему, неся свои мутные воды. Чёртова яма кружилась на своём месте, темная и глубокая.

Но с тех пор Аня знала правду. Чумыш не просто забирал жизни. Он коллекционировал души. И того, кого он однажды схватил, он никогда не отпускает до конца. Он лишь даёт отсрочку. Потому что тот, кто заглянул в бездонную тишину его глубины, навсегда становится своим. И рано или поздно река вспомнит о нём. И пошлет за ним свою бледную, холодную руку.

Или просто дождется, пока тот, в ком осталась частица её чёрной воды, сам приведёт к ней новую душу. В обмен на свою.

Они молча шли по лесной тропе, ведущей к окраине села. Сергей шёл, как робот, спотыкаясь о корни. Аня держала его под локоть, но чувствовала – он не здесь. Его душа, или то, что от неё осталось, всё ещё была там, в коричневой пучине. Он не плакал, не говорил. Только изредка вздрагивал всем телом, будто его изнутри били током.

В его квартире пахло пылью и одиночеством. Он не жил тут, а ночевал между сменами на лесопилке. Аня усадила его на диван, скипятила чаю. Руки её всё ещё дрожали.

– Выпей, – сказала она, и голос прозвучал хрипло после долгого молчания.

Он взял кружку, посмотрел на тёмную поверхность чая, и вдруг затрясся так, что чай расплескался. Из его горла вырвался сдавленный стон.

– Не могу... Всё, что жидкость... Кажется, она там, внутри. Шевелится.

Он отшвырнул кружку, и она со звоном разбилась о пол. Аня отпрянула. В его глазах мелькнула паника, но не человеческая, а загнанного зверя, который чувствует в себе инородное, чужое.

С того дня он изменился. Физически. Кожа, всегда смуглая от солнца, приобрела странный, землисто-серый оттенок. Она стала холодной и влажной на ощупь, даже в жару. От него пахло. Не потом, не грязью. Пахло сырым речным песком, тиной и тем, что бывает на дне глубоких омутов – холодом и вековой затхлостью.

И вода. Он не мог смотреть на воду. Водопроводный кран, наполненная ванна, даже стакан – всё это вызывало у него приступы удушья и паники. Он мылся быстро, с закрытыми глазами, тяжело дыша. Пить мог только сильно газированную минералку – шипение, видимо, перебивало что-то в его мозгу, какие-то воспоминания о тишине глубин.

Но самое страшное – это сны. Вернее, один и тот же сон. Он просыпался среди ночи с криком, зажимая ладонью рот. Всё тело его было покрыто липким, холодным потом, который пах, как вода из Чёртовой ямы.

– Они зовут, – хрипел он, вцепившись в руку Ани так, что на коже оставались синяки. – Там не больно, Ань. Там тихо. И светло. И все те, кто ушёл под воду... они смотрят на меня. И ждут. Говорят, место моё приготовлено. А если я не приду... – Он замолчал, уставившись в темноту. – Тогда она придёт сама. За мной. И за тем, кто рядом.

Аня перестала спать. Она сидела ночами рядом, слушала его тяжёлое, булькающее дыхание во сне. Она видела, как в лунном свете его лицо кажется чужим, вытянутым, водянистым. Иногда ей казалось, что между его пальцами натянута бледная перепонка. Она протирала глаза, и видение исчезало.

Они стали чужими в селе. Сергея сторонились. Говорили, «Чёртова яма на него дыру продула, и душу вытянула». Дети боялись. Старики качали головами, шептались про русалок и водяных, которым нужна «замена». Случай на реке оброс леденящими душу подробностями, которых не было.

Однажды вечером, когда Сергей, измождённый, наконец уснул на диване, в дверь постучали. На пороге стоял старик Федотыч, бывший рыбак, самый древний житель на их улице. Его выжженные солнцем глаза изучающе смотрели на Аню.

– Пусти, внучка, – хрипло сказал он. – Про твоего парня поговорить надо. Федотыч сел за стол, долго молчал, крутя в пальцах самокрутку.

– Чумыш, он живой, – начал он неожиданно. – Не в сказочном смысле. А как стихия. У него память долгая и характер злой. Он что взял – то его. Твоего Серёжу он взял. Вырвали вы его, да. Только вырвали кусок, а крючок-то в душе остался. Он на том крючке и сидит, как рыба. – Какой крючок? – прошептала Аня, чувствуя, как холодеет внутри.

– Тоска водяная. Тяга. Его туда тянет, обратно. Он уже не совсем человек. Он – должник. Река дала ему отсрочку, но долг надо отдавать. Либо себя, либо... – старик тяжёлым взглядом посмотрел на неё.

– Либо кого? – голос Ани пропал.

– Того, кто дороже. Кого он любит. Чумыш жаден. Ему души подавай. Одинокую душу он взял бы и забыл. А если душа любит, если за неё держаться будут... это для реки лакомство. Двойная добыча. Он через твоего парня тебя на крючок пробует посадить. Чтоб ты сама к нему пришла, от тоски, от горя.

Старик ушёл, оставив после себя запах махорки и тяжёлое, как камень, знание. Аня поняла: они в ловушке. И ловушка медленно, неумолимо закрывается.

Наступила вторая неделя. Сергей, казалось, немного пришёл в себя. Он даже заговорил о работе. Глаза его стали чуть осмысленнее. Аня позволила себе слабую надежду. Может, старик заговаривался? Может, всё обойдётся?

Они пошли в магазин. Дорога шла через старый мост над узким протоком Чумыша. Вода здесь была спокойной, почти стоячей. Сергей шёл, глядя под ноги. Аня держала его за руку.

И вдруг он остановился как вкопанный. Рука его в её руке стала ледяной и влажной.

– Слышишь? – прошептал он.

– Что?

– Зовут, – его лицо исказилось не то ужасом, не то странным блаженством. – Так чётко...
Светлана...

Светлана – так звали его мать. Утонувшую в Чумыше, когда ему было пять лет. Её тело так и не нашли.

Сергей высвободил свою руку и медленно, как во сне, повернулся к перилам моста. В его глазах не было ничего человеческого – только глубокая, манящая пустота.

– Мама... – сказал он тихо и с такой недетской тоской, что у Ани сердце разорвалось. – Она там. Она говорит, что мне там хорошо будет.

Он перегнулся через перила. Аня вскрикнула и бросилась к нему, обхватила его за талию. Он был невероятно тяжёл, словно налит водой.

– Серёжа, нет! Это не она! Это ОНО! Река! Она обманывает!

Он боролся молча, с мокрой, скользкой силой. Его глаза смотрели сквозь неё, в воду. И в темноте протока Ане показалось, что она видит не отражение облаков, а бледное, размытое лицо женщины. И руку. Ту самую руку из тумана и воды, которая медленно, ласково манила к себе её парня.

«Или кого-то привести».

Слова старика прозвучали в голове, как удар колокола. Река через Сергея тянулась к ней. К её любви, к её страху, к её душе. Чтобы заманить и её.

И в этот миг Аня поняла, что делает. Она не просто держит его. Она борется не только за него, но и против чего-то древнего, ненасытного и бесконечно одинокого. И проиграть нельзя. Потому что если он уйдёт сейчас – она последует за ним. Не в воду. А в безумие тоски. И тогда река получит их обоих.

Собрав все силы, она рванула его к себе, отшвырнув от перил. Они рухнули на мостовую. Сергей забился в беззвучном припадке, из его рта потекла струйка мутной жидкости. Аня прижала его голову к своей груди, плача и причитая, как плакала над ним тогда, на песке.

Когда припадок прошёл, он обмяк, иступлённо глотая воздух. В его глазах, полных слёз, на миг мелькнуло осознание. Настоящее, её Серёжино.

– Прости... – выдавил он. – Меня так... тянет. Я не справляюсь.

Они сидели на холодном асфальте, и Аня знала, что это не конец. Это лишь передышка. Чёртова яма не отпустила свою добычу. Она ждала. И чем дольше Сергей сопротивлялся, тем сильнее становилась тяга. Тем неотвратимее был конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.